

Когда у Сяо Чжюаня выдавался свободный час, он с радостью спешил к Дайюй, дабы развлечь её беседой и рассеять девичью скуку. Разумеется, он не позволял себе, подобно беспардонному Баюю, без спроса врываться в покои барышни — чаще всего он терпеливо дожидался её в саду или в уютной гостиной. Одно-два таких посещения сошли бы за обычную вежливость, но когда визиты сделались ежедневными, наставница Лю — умудрённая опытом женщина, прошедшая суровую дворцовую школу, — сразу разгадала его нехитрый замысел. Не зная, однако, каково мнение господина Линя на сей счёт, она благоразумно воздерживалась от открытых упрёков. Вместо этого наставница принялась мягко, но настойчиво отклонять его посещения, так что теперь из десяти попыток Чжюаню едва ли единожды удавалось мельком увидеть Дайюй.

Сяо Чжюань, будучи юношей проницательным, быстро смекнул, что строгая наставница намеренно держит его на расстоянии. К досаде своей, возразить ей он не мог — правила приличия были всецело на её стороне. Ему оставалось лишь утешаться мыслью о том, что с такой бдительной заступницей, даже когда Дайюй вернётся в столицу, тому неотёсанному булыжнику ни за что не удастся и на шаг приблизиться к сестрице. Но на душе от этого легче не становилось.

Линь Хай, обременённый заботами о соляном надзоре Цзяннани и надзирающий за местным чиновничеством, в жилых покоях бывал нечасто. Лишь по вечерам он выкраивал недолгие часы, чтобы отужинать с дочерью. Впрочем, причиной тому была не только государственная служба, но и нежелание лишний раз сталкиваться с наставницей Лю. Сейчас господин Линь предпочитал попросту избегать этой грозной женщины.

Но даже когда они случайно пересекались во внутреннем дворе, Линь Хай ни словом не обмолвливался о столичных новостях, расспрашивая лишь о здоровье и успехах Дайюй. Наставницу Лю втайне забавляло такое малодушие. Этот грозный сановник, чьё имя заставляло трепетать всю провинцию, в делах семейных пасовал словно дитя. Неужели он искренне верил, будто молчание способно стереть прошлое? Впрочем, вспоминая своего молодого господина в столице, она мысленно вздыхала: хороши оба, один другого стоит.

Зато самой Дайюй наставница была довольна чрезвычайно. О её небесной красоте и говорить не приходилось, но куда больше матушку Лю восхищал нрав девочки. Хрупкая и нежная снаружи, Дайюй унаследовала от отца редкую стойкость духа и то утончённое благородство, которое отличает выходцев из истинно начитанных семей.

Именно поэтому требования наставницы Лю порой казались излишне строгими. Своей требовательностью она вовсе не пыталась уязвить девочку. Зная, что её юный господин без памяти предан господину Линю, наставница давно свыклась с мыслью, что у князя не будет кровных наследников. Когда бывшие обиды забудутся и они воссоединятся, эта девочка станет для неё названной внучкой. А для самых близких всегда желаешь лучшей доли, стремясь довести их достоинства до совершенства.

Дайюй прекрасно понимала, что наставница руководствуется лишь добрыми побуждениями, однако примириться с новыми правилами ей было нелегко. Отец растил её свободно, как мальчика, уделяя внимание учению и не докучая мелочными придирками. Пока соблюдались общие приличия, Дайюй была предоставлена самой себе, и нынешние строгие рамки тяготили её нежную душу.

Уже через несколько дней Линь Хай заметил, что дочь сделалась непривычно молчаливой. Отужинав, он с мягкой улыбкой расспросил её об успехах в науках. Дайюй послушно ответила на все вопросы, но когда речь зашла о наставницах, лишь тихо проронила, что те очень добры к ней, и поспешно опустила глаза.

Заметив её смущение, Линь Хай ласково проговорил:

— Юй-эр уже взрослая. Если тебя что-то тревожит, ты всегда можешь поделиться с отцом.

Дайюй робко взглянула на него и едва слышно прошептала:

— Отец... Мне кажется, наставницы учат меня совсем не тому, чему учили вы. Мне это не по душе.

Прижав дочь к себе, Линь Хай с улыбкой спросил:

— И в чём же разница, поведай мне?

Почувствовав тепло и защиту отцовских рук, Дайюй чуть улыбнулась и, уткнувшись в его плечо, тихонько пожаловалась:

— Стоит мне обнять вас вот так, наставницы качают головами и говорят, что это неприлично. А ещё они заставляют меня читать «Женское Четверокнижие» и твердят, будто эта книга — то, что следует изучать девочкам. Отец... неужели мне нельзя учиться так же, как третий брат? Только потому, что я девочка?

Ей стало по-детски горько. Неужели и отец втайне разочарован тем, что она родилась девочкой? Матушка, должно быть, тоже грустила из-за этого... Оттого, когда не стало младшего брата, матушка занемогла и угасла. Дайюй была слишком мала, и незажившие раны от потери близких отозвались в её душе горькой обидой и неуверенностью. Она не выдержала и тихонько заплакала.

Линь Хай принялся бережно баюкать её, гладя по спине.

— Глупенькая, ну что за вздор ты выдумала? Ты у меня такая умница, такая славная. Как отец может не любить свою Юй-эр? Ты — моё самое дорогое сокровище на всём белом свете.

Слушая её тихий плач, он мысленно корил себя за невнимательность. После кончины Цзя Минь он слишком закопался в делах службы, оставив сироту без должного тепла.

Дайюй всхлипывала ещё какое-то время, пока наконец не успокоилась. Линь Хай мягко отстранил её, заглядывая в покрасневшие глаза.

— Юй-эр уже большая барышня, негоже так плакать. Увидит господин Гу — непременно добродушно подразнит. Запомни раз и навсегда: что бы ни случилось, отец всегда будет на твоей стороне. А насчёт книг не беспокойся, я сам поговорю с наставницами. Наша Юй-эр невероятно одарённая, так почему бы ей не читать то, что нравится? В этом нет ничего дурного.

Слёзы высохли, и девочке стало немного неловко за свою слабость. Смущённо опустив голову, она пробормотала:

— Всё хорошо, отец. На самом деле «Женское Четверокнижие» тоже полезно почитать, да и наставницы желают мне лишь добра. Я буду прилежной ученицей.

Линь Хай растроганно улыбнулся и ласково погладил её по шелковистым волосам.

На следующий же день Линь Хай пригласил наставницу Лю для разговора. Выслушав его пожелания касательно воспитания дочери, наставница нахмурилась:

— Господин Линь, я понимаю ваше чадолюбие, но барышня ведь девица. Рано или поздно ей придётся выйти замуж и войти в чужую семью. Потакая всем её прихотям, вы окажете ей медвежью услугу.

Когда дело касалось будущего дочери, господин Линь не терпел возражений. Он со стуком опустил пиалу на столик и холодно взглянул на собеседницу:

— Юй-эр — моя единственная дочь, и о её судьбе позабочусь я сам.

Заметив, как вздрогнула старая женщина, он слегка смягчил тон:

— Я ни в коей мере не сомневаюсь в вашей преданности и заботе. Но скажите на милость, разве моя дочь пренебрегает приличиями? Разве её манерам недостаёт изящества?

Поразмыслив, наставница Лю была вынуждена признать:

— Воспитание барышни безупречно. Попрекнуть её не в чем.

— Вот именно, — улыбнулся Линь Хай. — Для приличия этого более чем достаточно. Юй-эр — моя единственная отрада, и я не собираюсь отдавать её в дома, где плетутся коварные интриги. Всё, чего я желаю для неё — спокойная, безмятежная жизнь в согласии. Я подберу ей достойного супруга из простой и благородной семьи, так что излишняя строгость ни к чему. Достаточно соблюдать основные правила приличия.

Выслушав господина Линя, наставница Лю всё поняла. В своём стремлении вырастить из

Дайюй идеальную столичную аристократку, способную блистать в светских салонах, она позабыла, что утончённой и хрупкой девочке чужды придворные игры. Ей куда лучше оставаться собой.

— Старая раба проявила недалёковидность, — почтительно склонила голову наставница. — Прошу господина Линя простить мою оплошность.

— Полноте, наставница, — вежливо отозвался Линь Хай. — Впредь мне ещё не раз придётся просить вас о заботе над Юй-эр.

Он был искренне рад, что наставница проявила благоразумие. В тонкостях девичьего воспитания женщины из дворца понимали куда лучше мужчин, и затяжные разногласия пошли бы только во вред.

Однако перед уходом наставница Лю не удержалась и, решив прощупать почву, вкрадчиво поинтересовалась:

— Что господин Линь думает о молодом наследнике рода Сяо?

Линь Хай изумленно вскинул брови:

— К чему этот вопрос? Юй-эр ещё совсем дитя, подобные мысли мне и в голову не приходили.

Наставница замялась. Дети действительно были малы для помолвки, но предостеречь отца всё же следовало:

— Быть может, старая раба бежит впереди повозки. Однако барышня растёт, и правила приличия нарушать негоже. Наследник Сяо крутится подле неё без устали, предупреждает любое желание. Пока они малы, это кажется невинной шалостью, но пройдут годы, и злые языки не упустят случая пустить грязные сплетни.

Линь Хай лишь негромко рассмеялся, стараясь успокоить старую женщину:

— Вы тревожитесь попусту, матушка. Племянник Сяо гостит в Янчжоу временно и совсем скоро вернётся в столицу.

Слова словами, но в душе господин Линь насторожился. Дело было не в чёрствости — отцу всегда приятно знать, что его дочь ценят, да и сам Сяо Чжиюань парень не промах, благородный и неглупый. Пройди лет пять-шесть, Линь Хай, возможно, и благословил бы такой союз. Но сейчас? Юй-эр едва исполнилось девять!

«Если этот сорванец действительно имеет какие-то виды на мою дочь... — Линь Хай едва

заметно улыбнулся, — пожалуй, мне стоит потолковать с Гу И. Негоже наследнику маркиза Тунъаня без дела отираться в провинции».

Сяо Чжияуань и не подозревал о нависшей над ним туче. Во время занятий он всю подговаривал Дайюй сбежать на прогулку. Юноша рассудил здраво: в поместье бдительное око наставниц не даёт прохода, а вот за его пределами будет куда проще растопить лёд в её сердце и завоевать расположение.

Заподозрив неладное, Линь Хай ни за что не отпустил бы дочь наедине с ухажёром. Но, заметив робкую надежду в сияющих глазах Дайюй, не смог отказать. Он выждал день своего отдыха от государственных дел и сам вызвался сопровождать детей. Разумеется, наставница Лю провожала их недовольным взглядом, а к процессии у ворот пристроились ещё двое незваных гостей.

Гу И в последние недели вдоволь натешился, наблюдая, как его племянник ведёт затяжную партизанскую войну с грозными столичными наставницами. Победы Чжияуаню доставались редко. Теперь же, судя по недовольному лицу Линь Хая, уловка молодого человека была раскрыта. Гу И так и так намеревался повеселиться от души. На самом деле он вовсе не возражал против возможного союза: один — его любимый племянник, другая — лучшая ученица. Чего ещё желать?

Сама же Дайюй ни о чём не догадывалась. Взрослые вели тонкую игру, скрывая истинные мысли за вежливыми улыбками, и утаить правду от маленькой девочки им не стоило никакого труда.

С появлением строгой наставницы Лю о проказах вроде переодевания в мальчишеское платье пришлось забыть. К счастью, на юге нравы были куда свободнее столичных, и знатным барышням не возбранялось выходить на улицы, если их лица скрывала тонкая ткань. Дайюй надела изящную бамбуковую шляпу с накидкой из бирюзового шёлка, в которой она казалась неземным созданием. Сяо Чжияуань весело сощурился:

— Не иначе как верная служанка матушки Сиванму спустилась с небес на землю. Нужно поскорее спрятать её от людских глаз, не то умыкнут!

Дайюй беззлобно рассмеялась:

— Опять вы, третий брат, подшучиваете надо мной. Смотрите, как бы нам снова не встретить какого-нибудь бедолагу, который примет вас за сошедшего с небес небожителя! Вот тогда точно посмеёмся.

Она вспомнила их прошлую прогулку, когда они вытащили из воды тонущего бедняка. Свидетели происшествия уже мысленно похоронили несчастного, но Сяо Чжияуань, знакомый с основами врачевания, не смог пройти мимо и вернул его к жизни. Спасённый старик, ошалев от радости, долго падал в ноги спасителю и величал его «живым божеством», из-за чего Дайюй потом долго поддразнивала названного брата.

Чжюань лишь смущённо улыбнулся, не зная, что ответить на колкость.

Зато Гу И мгновенно подхватил шутку и с лукавым прищуром посмотрел на племянника:

— И впрямь, племянничек. Окажи любезность, покажи как-нибудь и родному дяде своё божественное искусство.

Чжюань пропустил язвительное замечание мимо ушей, лишь исподтишка метнул в дядюшку сердитый взгляд. К его несчастью, это мимолётное ребячество не укрылось от зоркого взора безмолвного Линь Хая. Помня о необходимости казаться в глазах будущего тестя образцом благонравия, юноша мгновенно принял самый смиренный и благообразный вид.

<http://bllate.org/book/18189/1753319>